

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ РЕЦЕНЗИИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX– НАЧАЛА XX в.: АНАЛИЗ КОНВЕЦИЙ¹

К.М. Белик

Аннотация. Во второй половине XIX–начале XX в. ученые придают большое значение процедуре научной экспертизы диссертационных исследований, создают экспертные формы оценки качества научного труда. Одной из таких процедурных форм становится рецензирование. В указанный период оно приобретает статус обязательной оценочной экспертизы качества научных произведений, становясь, при этом, определенной ритуальной практикой. При этом, постепенно рецензии на диссертации начинают концентрировать в себе принимаемые критерии научности, вырабатываются принципы структуры научного труда. В данной статье автором предпринята попытка выявить процесс оформления таких академических конвенций и ответить на вопрос: что такое научное исследование по мнению ученых рубежа XIX–XX вв. Для этого был проведен дискурсивный анализ текстов рецензий на диссертации, защищенных в указанный период. До сих пор исследователи крайне редко формулировали подобные задачи по отношению к документам о присвоении академических и ученых званий второй половины XIX–начала XX в. Прделанное изучение показало, что ученые в процессе рецензирования и оценки текста транслируют происходящие процессы формулирования академических норм и обозначения основных исследовательских принципов.

Ключевые слова: рецензии, Российская империя, академическая культура, традиции образования, высшее образование, научная аттестация, университетские исследования.

Белик Ксения Михайловна, стажер-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, kseniabelik2402@gmail.com.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

DISSERTATION REVIEWS IN RUSSIA AT THE TURN OF THE 19th-20th CENTURIES: ANALYSIS OF CONVENTIONS¹

K.M. Belik

Abstract. At the turn of the 19th-20th centuries, scientists focused on the procedure of the dissertation research's scientific verifications and created expert forms for assessing the quality of scientific work. One of these procedural forms became peer review. During this period, it acquired the status of a compulsory appraisal examination of the quality of scientific works, and, at the same time, it became a certain ritual practice. Gradually, reviews of dissertations began to encompass accepted scientific criteria, principles of the structure of scientific work. In this article, the author identifies the process of registration of these academic conventions and answers the question what is scientific research in the opinion of scientists at the turn of the 19th-20th centuries. For this goal a discursive analysis was carried out of the reviews for dissertations during the period. Until now, researchers have rarely formulated such tasks in relation to documents on the conferment of academic ranks of the second half of the 19th–early 20th centuries. The research shows that in the process of reviewing and evaluating the text, scientists broadcast the ongoing processes of formulating academic norms and the meaning of basic research principles.

Keywords: reviews, Russian Empire, academic culture, educational traditions, higher education, academic qualifications, academic degrees, university research.

Belik Ksenia M., Research Assistant, A. Poletaev Institute for Theoretical Historical Studies in the Humanities (IGIT), National Research University Higher School of Economics, 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russia, kseniabelik2402@gmail.com.

¹ The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project "5-100".

В 1896 г. филолог-классик Ф.Ф. Зелинский опубликовал отзыв на докторскую диссертацию историка-антиковеда М.Н. Крашенинникова. Автор назвал рецензируемый труд «евфоническими соображениями», «тяжелой артиллерией умозаключений» и отказался признать его научным исследованием [Зелинский, 1896]. В ответ на разгромный отзыв, Крашенинников опубликовал открытый ответ «Странный ученый, или как и кем иногда пишутся «ученые» рецензии». Он назвал Зелинского «развязным рецензентом», «мучеником филологии» и «некомпетентным ученым» [Крашенинников, 1896]. «Эта рецензия дает столько свежего материала для познания и надлежащей оценки г. Ф. Зелинского, как критика и как ученого вообще (ближайшим образом, как эпиграфиста), — уверял коллег Крашенинников, что оставить этот интересный материал без разработки было бы просто непростительно, несмотря на всякого рода похвалы, расточаемые мне упомянутым рецензентом» [Крашенинников, 1896, с. 1]. Последовательно и детально, как на «академической дуэли», диссертант отстаивал свое творение, приводил контраргументы против утверждений оппонента.

Поведение рецензента было эпатажным, шокировало коллег, заставило сомневаться в беспристрастности его отзыва. Ответ диссертанта побудил коллег обсуждать границы допустимого в науке. А исследователям университетов и науки эти полемические публикации дают возможность выявлять академические соглашения о нормах оценивания, отношений, принципах оригинальности, новизны и научности. Выявив в архивах Петербургской духовной академии и двух ведущих императорских университетов России — Петербургском и Московском — чудом сохранившиеся рецензии на диссертации по разным специальностям, я задалась следующими вопросами: как и когда критерии научности стали определяющими в российском академическом сообществе? Какая семантика была у предиката «научный»? Какую роль выполняли диссертационные рецензии в академической самоорганизации?

Итак, я изучаю рецензии на диссертационные исследования в контексте строительства академических репутаций [Fairclough, 1995]. Рецензии были частью процедуры присуждения ученых степеней, но это не механическая, а может быть самая инновационная ее часть, содержащая заряд эвристичности. Рецензирование, в том виде как оно утвердилось в столичных университетах России изучаемого времени, уже не ограничивалось простой оценкой соответствия [Вишленкова, Ильина, 2013]. Авторы рецензий обсуждали границы своих научных дисциплин, верифицировали сделанные в них открытия, побуждали коллег обсуждать академические нормы исследований и взаимоотношений.

Кажется, что если в отношении литературных рецензий сейчас уже можно говорить об устоявшейся практике изучения [Лихацкий, 2018; Гринфельд, 2015], то рецензии на диссертационные тексты до сих пор остаются на периферии исследовательского внимания. Отчасти это связано с трудностями поиска этих текстов [Вишленкова, 2015]. Поскольку требования публиковать их в российских университетах не было (только личная инициатива рецензента) [Ильина, 2016, с. 9], редкие рецензии попадали на страницы периодических изданий. К тому же, каждый университет вел

делопроизводство и хранил его с определенными отличиями. В некоторых городах диссертационные рецензии вкладывались в канцелярские папки университетского совета, в других городах их хранили в делах факультетов, а в третьих — не хранили вовсе. Иногда удается обнаружить черновые варианты рецензий в личных фондах ученых.

Несколько слов о понятии «рецензия». Являясь особым жанром научного и литературного творчества, рецензия обладает комплексом специфических черт. Как отмечает И.А. Климов, одной из основных практик научного чтения является критическое отношение к материалу — как к устному, так и к письменному [Климов, 2008, с. 112]. В историческом исследовании анализ рецензий возможен на трех уровнях смыслового распределения. Они задают теоретическую рамку данного изучения. На первом *структурном* уровне текст рассматривается с точки зрения его жанровых особенностей и внутренней организации. Второй *дискурсивный* уровень дает представление о существующих формах трансляции принятых норм и правил в академическое сообщество. На третьем *стилистическом* уровне выявляется специфика жанра через выявление особенностей языка.

В рассматриваемый период научные тексты, анализирующие магистерские или докторские диссертации, имели несколько документальных обозначений: «отзыв», «рецензия», «мнение», «положения», «возражения». Как правило, они предназначались для специалистов той или иной предметной области, но могли быть опубликованы и адресованы для более широкой образованной публики.

Что касается типов рецензий, то во второй половине XIX–начале XX в. принято было различать два — факультетские, которые давали право допуска к публичному диспуту, и оппонентские, которые выносили окончательный вердикт работе (то есть (не) присуждение ученой степени). На тип рецензии указывает заключительная фраза «приговора» в архивной рукописи или опубликованном тексте. В первом случае — «этот труд может быть допущен в качестве магистерской/докторской диссертации к публичной защите» [ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 1462, л. 4], во втором — «труд является достойным основанием для того, чтобы дать автору искомую степень магистра/доктора» [ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 1461, л. 9].

ПРАКТИКИ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Как правило, итог современной процедуры защиты известен заранее. Редкими бывают случаи, когда диссертация отклонена, поскольку подразумевается, что процесс выхода на защиту состоит из сложных фильтров, которые отсеивают слабые работы. Это связано как с многоэтапностью подготовки диссертации, так и с репутационными издержками диссертационных советов.

В императорских университетах количество отрицательных рецензий и безуспешных защит было едва ли не равным количеству успешных прецедентов. И сейчас

это обстоятельство дает богатый материал историкам. Исследовавший публичный конфликт в Казанском императорском университете, О.В. Морозов считает, что отрицательные рецензии дают более яркое представление об актуальном состоянии науки и более способствовали развитию научного знания, чем позитивные рецензии [Морозов, 2018, с. 3].

Тексты академических отзывов второй половины XIX–начала XX в. отразили меняющиеся критерии научности. Это видно на сопоставлении оценочных текстов. К примеру, в 1904 г. известный биолог К.А. Тимирязев написал обширный отзыв на диссертацию приват-доцента М.И. Голенкина [Голенкин, 1896]. Свою рецензию он назвал «Каким требованиям должны удовлетворять диссертации на степень доктора» [ЦГИАМ, ф. 418, оп. 461, д. 45].

Тимирязев сформулировал действующие на тот момент в данном сообществе научные нормы: «От самостоятельного исследователя мы в праве требовать: 1) умения выбрать и поставить вопрос; 2) умения пользоваться средствами исследования, которыми располагает наука (если уже не находит свои, новые); 3) умения разобрататься в полученных результатах, т.е. понимать, что дало исследование и дало ли оно что-нибудь» [ЦГИАМ, ф. 418, оп. 461, д. 45, л. 33а].

Обзор историографии, который составил диссертант, убедил рецензента в том, что незнание научной литературы привело исследователя к ложным выводам и отсутствию научной новизны («свежести»): «Таким образом, на оригинальность своего воззрения автор не имеет никакого права: оно встречается уже более полвека в компетентных источниках, сорок лет тому назад принято в самом известном русском учебнике и должно быть признано господствующим» [ЦГИАМ, ф. 418, оп. 461, д. 45, л. 33б].

«Наконец, самые размеры диссертации, – уверял Тимирязев, – не свидетельствуют о значительности потраченного на нее труда, тем более, что, несмотря на ее жиденький объем (115 стр.), многие факты и рассуждения повторяются по два, по три раза» [ЦГИАМ, ф. 418, оп. 461, д. 45, л. 33д]. Таким образом, в исследуемое время для столичных академиков имел значение также объем научного текста. Действительно, с 1850-х гг. в Московском и Петербургском университетах средний объем диссертации превышал 200 страниц, а с 1860-х гг. это негласное правило академического сообщества стало нормой и для провинциальных университетов империи [Алеврас, 2019]. Защита Голенкина происходила в 1904 г., когда диссертация порой превышала 800 страниц. Конечно, труд в 115 листов выглядел неубедительно на фоне защищавшихся трактатов.

В 1880–1890-е гг. в российских университетах сформировалось несколько конкурирующих научных школ. Такая самоорганизация исследователей привела к сегрегации претендентов на ученые степени, тщательности обсуждения работы внутри микро-обществ, и, как следствие, вынесение на публичные диспуты почти коллективных по уровню проработанности и объемных диссертаций монографического типа.

Еще большее значение, чем объем текста, для оценки имела логика исследования, наличие в ней противоречий: «В довершение изложение крайне небрежно, — продолжал Тимирязев громить построения диссертанта, — можно указать целые страницы, поражающие отсутствием логического смысла, в чем в конце концов сознается и сам автор — не проще было бы от них воздержаться» [ЦГИАМ, ф. 418, оп. 461, д. 45, л. 33д об.].

В диссертационных рецензиях поднималась проблема зависимости исследователя от доступного ему эмпирического материала. И если ранее историки высоко ценили работы коллег, пересказывавших исторические источники, то в конце столетия эта исследовательская практика перестала удовлетворять научное сообщество. На диссертационных дебатах обсуждалась проблема верификации выводов. Считалось, что ее может обеспечить богатство эмпирической основы, например, разнообразие видов исторических свидетельств. Поэтому историк С.Ф. Платонов говорил о труде своего коллеги Н.Д. Чечулина, что «знакомство с введением к книге показывает читателю, что он может ожидать от исследования только систематизации данных писцовых книг о городах, иначе говоря, работы в круге только одного сорта материала» [ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 6190, л. 1об.]. Поскольку исследователь не имел в своем распоряжении иных видов документов, Чечулин, по мнению Платонова, «подчинился, так сказать, своему материалу и изображал городскую жизнь лишь в тех ее сторонах, которые были освещены писцовыми книгами, и лишь с такой полнотой, какую допускал этот основной источник» [ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 6190, л. 1об.] Зависимость от источников, вернее от версии их создателей, загнала диссертанта в узкие рамки интерпретации.

Двойственная идентичность профессора — преподаватель и ученый — влияла на оценивание его трудов коллегами. Довольно часто рецензии делились на две части — в первой оценивался диссертант, шло описание его творческого и исследовательского пути (и здесь рецензент выступал как преподаватель), а во второй — анализировались тезисы из представленной работы (в этой части на первый план выходил профессор-ученый). Примером такой организации текста служат рецензии петербургского историка Платонова на магистерские диссертации своих учеников.

Так, в оппонентском отзыве на диспуте ученика И.И. Лаппо, Платонов четко обозначил эти две роли: «Я говорю немного. Во-первых, ученик, успехам которого можно радоваться и оспаривать, приносит особое удовольствие. Во-вторых, книга бесспорно заслуживает степени: на моих глазах и на глазах факультета много лет шли ростки, из которых она выросла. Работы по модному историческому вопросу шли в архивах с удивительной последовательностью, спокойной энергией. Работа видимо удовлетворяла, возбуждала любовь к предмету. Поэтому у меня нет ни малейшего сомнения в том, что мы имеем дело с истинно научным трудом, составленного не для одного получения степени» [ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 1460, л. 2].

В 1909 г. газета «Русские ведомости» опубликовала рецензию на докторскую диссертацию московского историка М.М. Богословского «Земское самоуправление

на Русском Севере в XVII веке». Эта публикация готовилась к защите докторской диссертации. Автор рецензии подписался как «С. М-в», и, вероятно, им был историк Сергей Петрович Мельгунов.

Характеризуя работу, рецензент подчеркнул, что исследование проведено на новом архивном материале. Это побудило оппонента причислить книгу к выдающимся историческим работам за последнее время [АРАН, ф. 636, оп. 1, д. 104, л. 1]. Ко всему прочему, весьма интересно произведена характеристика справочного аппарата диссертации: «Знакомство с ней (диссертацией – К.Б.) представит большой интерес не для одних только специалистов по русской истории. И нам хотелось бы высказать пожелание, чтобы автор учел интересы этой другой категории своих читателей. Научная работа требует детализации и ссылок, обосновывающих изложение, но в то же время осложняющих знакомство с ней. При своем умении живо и литературно излагать предмет, – что так ценно в научных работах, – Михаил Богословский мог бы часть своего огромного научного аппарата без ущерба перенести в примечания и дополнения. Это открыло бы его интересной и ценной книге доступ за пределы академических кругов» [АРАН, ф. 636, оп. 1, д. 104, л. 1].

Призыв к популяризации науки был амбивалентным среди университетских гуманитариев¹. Такой совет давали либо исследователям узких тем, либо коллегам, которых считали не очень академичными. Мельгунов же отметил важность упрощения изложения серьезного академического материала и адаптации к возможностям читателей. Такая установка историков, считал он, позволит расширить читательскую аудиторию для книг по российской истории.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Несколько иными были требования и диссертационные нормы в богословской среде. Примером тому может служить рецензия профессора Никольского на труд Павла Забелина «Протопоп Аввакум и его значение в расколе», представленного на степень кандидата богословия в 1888 г. По мнению рецензента, в работе Забелина имеется много исторических и хронологических несоответствий, что снижает качество исследования. Рецензент отметил наличие пробелов в характеристике Аввакума как создателя программы раскольников. Выявленные упущения рецензент считал допустимыми для присуждения степени кандидата богословия. Там важны были не научные нормы, а правильные убеждения автора. Он «добросовестно изучил литературу своего предмета и составил себе правильное понятие как о жизни и деятельности прот. Аввакума, так и о значении его в расколе» [Журналы заседаний ... , 1894, с. 40]. Другим важным достоинством богословского труда являлся язык повествования: «Язык сочинения правильный, по местам даже художественный: речь ясная, живая, бойкая» [Журналы заседаний ... , 1894, с. 41].

¹ Подтверждением тому может служить полемика о сложности языка диссертации в упоминаемом в начале статьи случае спора между Крашенинниковым и Зелинским.

Убежденность, полемичность ценились в церковной академической среде выше научных норм. Так, кандидат богословия Евгений Петрович Аквилонов в 1894 г. представил на соискание степени магистра сочинение «Церковь. Разбор научных определений церкви и апостольское учение о ней, как о теле Христовом». Его оппонентом был Александр Львович Катанский, который написал рецензию. «Из сказанного, — заявил он, — ясна уже одна из главных целей сочинения. Автор желал бы обратить внимание на неточность и неполное соответствие с существом предмета наших научно-богословских определений церкви» [Журналы заседаний ..., 1894, с. 105]. Такая формулировка была бы негативной оценкой, если бы Аквилонов не добавил, что целью автора был не просто пересмотр и разрушение, а намерение «показать нашим разнородным отечественным отщепенцам всю необходимость союза с церковной православной, единой истинной церковью, единственно надежным ковчегом спасения» [Журналы заседаний ..., 1894, с. 105]. Эта благородная с церковной точки зрения задача была не столько научной, сколько практически-полезной, так как в своей основе содержала установку на просвещение и наставление на истинный путь представителей различных сект, раскольников и иных иноверцев, их объединение под православным началом, то есть миссионерство. Можно говорить, что этой формулировкой Аквилонов обезопасил себя и предопределил исход рассмотрения своей диссертации.

Что касается точных наук, то в кругу естествоиспытателей ценилось умение быть логичным и объяснять сложные вещи максимально четко. В отзыве¹ на диссертацию математика К.А. Андреева «О геометрических соответствиях в применении к вопросу о построении кривых линий» [ЦГАМ, ф. 418, оп. 461, д. 65], представленную для получения степени доктора, подчеркивается такое преимущество текста: «Следует обратить внимание в диссертации г. Андреева на прекрасное, отчетливое, ясное и точное изложение. Чтение не есть, как нередко бывает, тяжелый и утомительный, иногда плохо вознаграждаемый, труд, а скорее — удовольствие, вместе с которым приобретается немало важных и интересных сведений» [ЦГАМ, ф. 418, оп. 461, д. 65, л. 3об.]. На основании подробной, но при этом ясной подачи материала, рецензент рекомендовал диссертацию по высшей геометрии к прочтению не только состоявшимся, но и начинающим математикам.

Довольно часто рецензенты естественнонаучных дисциплин демонстрировали беспристрастность своих оценок ссылками на мнение иных экспертов, например, победой диссертанта в конкурсной программе или обладанием какой-либо премией. В изучаемое время такие конкурсы и награды были широкой академической практикой. К примеру, оценивая диссертацию математика П.М. Покровского, представленную на степень доктора, его рецензент подчеркивал, что уже магистерская диссертация соискателя была удостоена награды факультетской премией имени Брашмана [ЦГАМ, ф. 418, оп. 461, д. 65, л. 1об.].

¹ Известно лишь, что отзыв был составлен ординарным профессором. Конкретное имя рецензента установить не удалось.

* * *

Итак, выявленные диссертационные рецензии содержат конвенции о критериях оценивания научных исследований. Они различаются в гуманитарных, богословских и естественных дисциплинах. Одним из важных критериев было требование кумулятивности, накопления научных знаний, что выражалось в анализе соискателем исследовательского опыта предшественников. Исходя из этого, исследователь и рецензент определяли степень научной новизны. Параллельно ставились вопросы о соотношении формирующихся тенденций и классической научной парадигмы. В рецензиях отразились академические дебаты о релевантности исследовательских методов, семантике терминов и понятий, репрезентативности эмпирической основы.

Исходя из установки на кумулятивность, диссертанты наращивали объем текстов, стремясь упомянуть в нем всех предшественников, их труды и сформулировать собственный вклад в этот поток исследований. Это поощрялось рецензентами. Однако рост объема диссертации вошел в противоречие с новой социальной функцией науки в Российской империи. Договариваясь о требованиях к диссертациям и их академическом весе, академики задавались вопросом об адресатах новых знаний. Намерение популяризировать их проявилось в особом внимании рецензентов к языку и форме изложения сложного материала. В итоге рецензенты хотели, чтобы диссертация была бы одновременно теоретически и историографически насыщенной и вместе с тем интересной для не-академиков.

В академической самоорганизации рецензии играли роль маркеров «своих» и «чужих»: определяли границы между дисциплинами и специальностями, научными школами и университетами. Оценочные тексты способствовали размыванию прежних и заключению новых договоренностей, служили средством их сохранения. Тем самым институт рецензирования создавал пространство диалога, нацеленного на пересмотр и переутверждение научных и профессиональных норм и ценностей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алеврас Н.Н. Диссертационная культура российских университетов XIX–начала XX века // Алеврас Н.Н., Выдрин О.В., Гришина Н.В. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки.* 2019. № 2. С. 100–110.

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях, и о том, как диссертация в России обрела практическую и научную значимость // *Новое литературное обозрение.* 2013. № 4. С. 84–107.

Вишленкова Е.А. Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России 1830–1840-х годов // *Диалог со временем.* 2015. Вып. 50. С. 170–200.

Гринфельд В.А. Формат литературной рецензии в современной общественно-политической прессе // *Вестник СПбГУ. Язык и литература.* 2015. № 3. С. 190–202.

Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1888–1889 учебный год / СПб.: Тип. А. Катанского и Ко. 1894. 367 с.

Ильина К.А. Что побуждало русских профессоров писать рецензии: к истории жанра. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). 20 с. (Препринт / WP6/2016/02).

Климов И.А. «Сырое и приготовленное», или к апологии рецензий // *Социальная реальность*. 2008. № 1. С. 111–116.

Лихацкий А.А. Особенности рецензий в историко-литературных изданиях: случай «исторического вестника» (начало XX века) // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 1. С. 65–71.

Морозов О.В. «Грубейшая брань», или Отрицательные рецензии на истории Казанского университета в Российской империи / Высшая школа экономики. Серия WP6 «Гуманитарные исследования». 2018. 20 с.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 1460.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1461.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1462.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 6190.

Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ). Ф. 418. Оп. 461. Д. 45.

ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 461. Д. 65.

Fairclough Norman. *Critical discourse analysis: papers in the critical study of language*. London: Longman, 1995. 265 p.

REFERENCES

Alevras N.N. Dissertatsionnaya kul'tura rossiiskikh universitetov XIX–nachala XX veka [Dissertational culture of Russian universities of the 19th – early 20th centuries], in Alevras N.N., Vydrin O.V., Grishina N.V. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2019. № 2. Pp. 100–110 (in Russian).

Vishlenkova E.A., Il'ina K.A. Ob uchenykh stepenyakh, i o tom, kak dissertatsiya v Rossii obretala prakticheskuyu i nauchnyu znachimost' [About academic degrees and how the dissertation in Russia gained practical and scientific significance], in *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013/ № 4. Pp. 84–107 (in Russian).

Vishlenkova E.A. Retsenzirovaniye kak mekhanizm samoregulirovaniya meditsinskoi professii v Rossii 1830–1840-kh godov [Peer review as a mechanism for self-regulation of the medical profession in Russia in the 1830–1840s], in *Dialog so vremenem*. 2015/ Vyp.50. Pp. 170–200 (in Russian).

Grinfel'd V.A. Format literaturnoi retsenzii v sovremennoi obshchestvenno-politicheskoi presse [The format of literary reviews in the modern socio-political press], in *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*. 2015. № 3. Pp. 190–202 (in Russian).

Zhurnaly zasedanii Soveta S.-Peterburgskoi dukhovnoi akademii za 1888–1889 uchebnyi god [Meeting's journals of the Council of the St. Petersburg Theological Academy for the 1888–1889 year]. SPb., Tipografiya A. Katanskago i Ko. 1894. 367 p. (in Russian).

Il'ina K.A. *Chto pobuzhdalo russkikh professorov pisat' retsenzii: k istorii zhanra* [What prompted Russian professors to write reviews: on the history of the genre]. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. (Seriya WP6 "Gumanitarnye issledovaniya"). 20 p. (Preprint / WP6/2016/02) (in Russian).

Klimov I.A. "Syroe i prigotovlennoe", ili k apologii retsenzii [«Raw and cooked», or to the apology of reviews], in *Sotsial'naya real'nost'*. 2008. № 1. Pp. 111–116 (in Russian).

Likhatskii A.A. Osobennosti retsenzii v istoriko-literaturnykh izdaniyakh: sluchai "istoricheskogo vestnika" (nachalo XX veka) [Features of reviews in historical and literary publications: the case of the "Historical messenger" (beginning of the 20th century)], in *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2018. № 1. Pp. 65–71 (in Russian).

Morozov O.V. "Grubeishaya bran", ili Otritsatel'nye retsenzii na istorii Kazanskogo universiteta v Rossiiskoi imperii ["The Rudest Scolding", or Negative Reviews on the History of Kazan University in the Russian Empire]. Vysshaya shkola ekonomiki. Seriya WP6 "Gumanitarnye issledovaniya". 2018. 20 p (in Russian).

Department of manuscripts of the Russian national library (OR RNB). F. 585. Inv. 1. D. 1460.

OR RNB. F. 585. Inv. 1. D. 1461.

OR RNB. F. 585. Inv. 1. D. 1462.

OR RNB. F. 585. Inv. 1. D. 6190.

Central state historical archive in Moscow (CSHAM). F. 418. Inv. 461. D. 45.

CSHAM. F. 418. Inv. 461. D. 65.

Fairclough Norman. *Critical discourse analysis: papers in the critical study of language*. London: Longman, 1995. 265 p.